

Каролина Стоун

БЕТЕЛЬ ЗА ПРЕДЕЛАМИ СВОЕГО КУЛЬТУРНОГО АРЕАЛА

Можно было бы составить книгу из описаний жевания бетеля¹ — так называют смесь из бетелевых листьев, орехов арековой пальмы, извести и различных ароматических добавок, употребление которой широко распространено по всему миру. Почти каждый европеец (как и многие неевропейцы), побывавший в Индии, Юго-Восточной Азии, Индонезии, на Филиппинах и островах, протянувшихся на восток вплоть до Микронезии, довольно подробно описывает этот обычай, и такие рассказы поразительно схожи. Поэтому здесь мы рассмотрим сообщения о бетеле в тех областях, где обычай распространился за пределы региона, с которым он ассоциируется в первую очередь.

Жевание бетеля часто связывают с рядом других культурных практик, таких как рисоводство, дома на сваях, ношение саронга, татуировка и чернение зубов. Последнее отчасти обоснованно, ведь от употребления бетеля зубы темнеют, становясь темно-красными, а со временем и коричневыми или черными, тогда как слюна и рот

¹ См. в приложении краткий список европейских путешественников, которые описывали жевание бетеля или торговлю им.

окрашиваются в ярко-красный цвет. Тем не менее обычай чернения зубов напрямую не связан с жеванием бетеля. В Японии, например, *охагуро* имеет долгую историю, однако жевание бетеля, по всей видимости, никогда не было принято, хотя с климатической точки зрения и бетелевая лоза, и арековая пальма могли выращиваться на южных островах. Практика чернения зубов исчезла в Японии более века назад, сохранившись лишь в театре и изредка в среде гейш, и современные японцы, сталкиваясь как с этим обычаем, так и с обычаем жевания бетеля, к примеру, у малых народов Юго-Восточной Азии, находят их определенно непривлекательными.

Тем более интересным представляется то, что бетель получил распространение в областях, где белые зубы ценились как признак красоты, — в Северной Индии, арабском мире и даже среди европейцев. Другой вопрос, заслуживающий внимания: в какой мере ритуальное значение бетеля и принятый способ его употребления привились за пределами своего изначального культурного ареала?

Мы не станем рассматривать здесь происхождение жевания бетеля и археологические свидетельства древности этого обычая в местах его зарождения, однако ранние упоминания об употреблении бетеля есть как в китайских источниках [Imbault-Huart 1894: 311–328], так и у арабских авторов². В Китае первым известием является, по-видимому, упоминание в *Нань ши*, или Истории Южных династий, которое датируется VII в. Развернутые сообщения о бетеле есть в *Тан бэньцао*, танской *Materia medica* [Bretschneider 1881: 44], и других источниках периода Тан, а также в таких медицинских работах, как *Бэньцао ганму*, где предлагаются разные версии происхождения обычая, включая его зарождение в Бо сы (Персия) и Фулинь (Византийская империя) [Ibid.: 54]. Описания провинций Гуанси и Гуандун в *Гуанси донши* дают понять, что там обычай жевания бетеля укоренился так же прочно, как во Вьетнаме, граничащем с Гуанси с запада [Imbault-Huart 1894: 323]. О Гуанчжоу (Кантоне) автор сообщает следующее: «Все его жители, богатые и бедные, молодые и старые, мужчины и женщины, с утра до ночи предпочитают не

² Я хотела бы поблагодарить Пола Лунде из Кембриджа за перевод с арабского ряда цитат, которые приводятся ниже.

есть, а жевать *пин-лан*. Богатые кладут его на маленький серебряный поднос, а бедные — на маленький поднос из олова... У каждого встречного черные зубы и красные губы. Если несколько человек собираются вместе, то земля краснеет от их плевков — это поистине отвратительно...»³ [Ibid.: 324].

Эдвард Шефер упоминает о том, что во времена Тан — период, когда в Китай проникло множество экзотических товаров, — из Вьетнама в качестве дани поступали орехи арековой пальмы [Schafer 1963: 141], а «в первом десятилетии IX в. из Айчжоу ежегодно присылали пятьсот “орехов” наряду с десятью павлиньими хвостами, сотней хвостов зимородка и двадцатью катти рогов носорога» [Schafer 1967: 174–175]. Он также отмечает, что в городах Северного Китая бетель применялся в первую очередь в медицинских целях: орехи использовали при авитаминозе, а лист бетеля — при желудочных расстройствах.

Не ясно, было ли то, что жевание бетеля не распространилось дальше южных областей Китая, результатом культурного неприятия черных зубов, жевания и кроваво-красной слюны (плевание было более культурно приемлемым), или же просто связано с климатическими условиями — обычай, по всей видимости, не проникал далеко за пределы зоны, где могли выращивать бетель и арековую пальму. Последний аргумент представляется не вполне убедительным, ведь орехи арековой пальмы экспортировались в больших количествах, причем эта торговля сохраняла свое значение вплоть до XX в. Ареку везли [Dey 1942], например, из Бирмы и Вьетнама в Китай [Rooney 1993: 24] и из Таиланда в Сингапур и Пинанг [Graham 1912: 318–319], а в областях, где не росла бетелевая лоза, есть множество свидетельств о замене ее другими листьями. Другая возможная, но неподтвержденная гипотеза заключается в том, что бетель имел более широкое распространение в Китае до внедрения опиума как рекреационного наркотика, что произошло, как часто считают, в 1483 г. [Yangwen 2005].

³ Китайское *pin-lang*, в частности, происходит от малайского *pinang* (арека), так же как и топоним Пинанг.

Такой переход с одного общеупотребительного вещества на другое, вызванный модой или сменой вкусов, — разумеется, обычное явление. К примеру, на о. Гуам, где обычай жевания бетеля известен с древности, что подтверждается археологическими свидетельствами, под американским влиянием (с его предпочтением, отдаваемым белым зубам) молодежь перешла к использованию жевательной резинки [Thompson, Varcinas 1947: 284]. Также сокращение потребления бетеля наблюдалось на о. Бали, оно имело схожие причины и было связано с ростом туризма и распространением табака [Covarrubias 1937: 119, 121].

И все же ритуалы, связанные с ранее употреблявшимся наркотическим средством, могут сохраняться. Де Грут описывает, как в Южном Китае бетель раздавали вдоль пути следования похоронной процессии, хотя обычай его жевания «сегодня практически отмер, вытесненный... курением табака и опиума», но в то же время бетель по-прежнему является важной частью церемоний принесения извинений и примирения [De Groot 1892]. Здесь возникает интереснейший вопрос о ритуальном (в противоположность обыденному) значении этого или любого другого наркотика и социальных последствиях в тех случаях, когда ритуальный контекст, как правило, обеспечивающий определенную меру контроля, теряется, как это произошло, например, с *катом* в Йемене или употреблением кокаина в противовес жеванию коки.

До сих пор вызывает споры, когда же бетель начали жевать в Индии. Хотя он и играет существенную роль в многочисленных индуистских ритуалах, нет, по всей видимости, никаких более ранних упоминаний о нем, чем *Надпись гильдии ткачей*, датированная 473 г. н.э.⁴ Другое раннее свидетельство принадлежит китайскому буддийскому монаху Сюаньцзану, совершившему в середине VII в. путешествие в Индию и получавшему там, по его словам, бетель и орехи арековой пальмы в качестве ежедневного довольствия [Penzer 1951 (2002): 210]. В Индии, как и в Юго-Восточной Азии, Индонезии и на Филиппинах, бетель имел важнейшее ритуальное значение, свя-

⁴ Corpus Inscriptionum Indicarum. Vol. III. Plate XXXV. P. 322–332. Mandasor Inscription. V. 20.

занное с храмовыми подношениями, а в светской жизни был высшим знаком мира и дружбы, а также бытового гостеприимства и неотъемлемым элементом брачных отношений.

Обычай жевания бетеля стремительно проник в мусульманский мир, распространившись как в Северной Индии, так и на Аравийском полуострове, так что писавший в конце IX в. Абū Ханйфа ад-Дйнаўарй упоминает о его употреблении среди аравийских племен: «Один бедуин рассказал мне, что *дāрим*⁵ — это дерево, похожее на акацию; женщины натирают им десны и губы, окрашивая их в ярко-красный цвет; это растение жгуче. Один из них продекламировал:

Дерево *дāрим* украло мое сердце
При помощи двух губ.

Он нравится их женщинам потому, что доставляет удовольствие мужчинам, и по той же причине они жуют вместе *фаўфал* и *тāмўл*, чтобы сделать десны и губы красными; эта смесь укрепляет десны и освежает дыхание, так что даже мужчины ее используют» [Dīnawarī 1974].

Ал-Мас‘ūdй, писавший в первой половине X в., сообщает: «Этот обычай распространился в наши дни среди мекканцев, а также других народов Хиджаза и Йемена; он вытеснил жевание смолы. Бетель можно найти в аптеках, его применяют при опухолях десен и схожих болезнях. Некоторые называют его *фаўфал*. Измельченные орехи арековой пальмы, смешанные с листьями бетеля и известью, укрепляют зубы и улучшают запах изо рта. Эта смесь предотвращает разлитие желчи, улучшает аппетит и служит афродизиакom. Она окрашивает зубы в цвет спелого граната, вызывает веселость и хорошее настроение, укрепляет тело и распространяет приятный тонкий аромат. Индийцы, богатые и бедные, питают отвращение

⁵ Термин *дāрим* вызывает некоторую путаницу, так как в ряде языков, от староиранского до китайского, различные варианты этого слова обозначают гранат, причем в конечном итоге они восходят к санскритскому *дāлима* (см. также: [Schafer 1967: 174]).

к белым зубам и избегают общества тех, кто не употребляет вышеописанную смесь» [Mas‘ūdi 2007: 76].

Подразумевается, что к этому времени с Индией были установлены постоянные, а вовсе не эпизодические торговые отношения. Интересным представляется и то, что обычай уже проник во внутренние районы Аравии. Комментарий по поводу «белых зубов» также примечателен, ведь под влиянием персидских традиций (а их влияние было велико, особенно в придворных кругах) «зубы как жемчуг» были в Северной Индии, как и на западе, общепринятым признаком красоты.

Для этого раннего периода сложно говорить о том, проникли ли ритуальные функции бетеля в обычаи Аравийского полуострова или же бетель жевали просто из-за его приятных качеств и подмеченных лекарственных свойств. Разумеется, есть множество упоминаний о его выращивании и употреблении — к примеру, у Ибн ал-Байтāра, который цитирует различные авторитетные источники, в том числе Ибн Джулджула, Абū Ханифу [ад-Дйнаўārī], Исхāқа ибн ‘Амрāна, Ибн Ридўāна и ал-Гāфиқī⁶. Однако большинство из них приводит лишь общие сведения об этой практике, не особо вдаваясь в подробности.

Тщательная чистка зубов, возможно, при помощи палочки из дерева *ним*⁷ или соли, могла помешать изменению их цвета. В других мусульманских районах существовавшие ранее традиции, связанные с бетелем, безусловно, были приспособлены к мусульманским обычаям. Писавший в XIV в. Ибн Баттўта упоминает бетель во многих точках своих странствий и в самых разнообразных контекстах. В его рассказах о Северной Индии, например, бетель играет важную роль как в мусульманских свадебных церемониях, так и в похоронных обрядах, включая похороны его собственной маленькой дочери: «[После того как завершили чтение Корана], поднялся *қāдī* и прочитал элегию о покойной, а также панегирик в честь Султана. При упоминании имени последнего все встали и совершили поклон,

⁶ См. приложение. Перевод Пола Лунде по: Ibn al-Baytār, al-Jāmi‘ li-mufradāt al-adwīya wa l-aghdhīya (Cairo: Bulaq, 1874), I/141 и IV/169-70.

⁷ *Melia indica* (см.: [Penzer 1951 (2002): 294]).

затем снова сели, и *қадї* прочитал красивую молитву. После этого распорядитель и его помощники принесли сосуды с розовой водой и окропили ею присутствующих. Затем их обнесли чашами с шербетом, после чего всем раздали бетель, а мне и моим спутникам вынесли одиннадцать почетных одежд».

Это очень интересно, ведь Ибн Баттута был крайне наблюдателен и настроен против всякого рода *бида*‘, или новшеств, а следовательно, должен был бы выразить неодобрение. Он встречал бетель во многих других местах, в том числе и на Мальдивских островах, где Султана острова Махал преподносила его путешественнику в знак гостеприимства, а также по случаю окончания Рамадана: «После того как подали еду, а затем орехи арековой пальмы и бетель, всех обнесли небольшим блюдом с макаassarским сандалом, и после того, как присутствующие поели, они умастили себя этим сандалом» [Ibn Battuta 1994, III: 740; IV: 839].

Доисламские традиции были приспособлены к мусульманским порядкам даже в районах, где строго следовали предписаниям ислама, таких как Ачех. По словам Снука Хюргронье, описывавшего обычаи ачехцев в начале XX в., бетель фигурировал в обрядах сговора и свадебных церемониях, а орех арековой пальмы играл важную роль в процедуре развода — *taleuë*‘ (от араб. *талāқ*). Муж брал три кусочка зрелого ореха арековой пальмы и передавал их жене, произнося ритуальную формулу: «Раз *taleuë*‘, два *taleuë*‘, три *taleuë*‘, ты мне только сестра в этой жизни и в следующей». И наоборот, женщина, сердитая на своего мужа, требовала у него «три кусочка ореха арековой пальмы» [Hugronje 1906: 369].

Религиозный аспект употребления бетеля также любопытен. В отличие от других стимулянтов, его на удивление редко запрещали. Бетель был неотъемлемой частью индуистского ритуала, так что не было причин налагать на него запрет, кроме как во время поста или траура. В буддизме, с другой стороны, хотя в храмах и запрещали алкоголь, а также склонны были неодобрительно относиться к табаку после его появления в XVI в.⁸, бетель и орехи арековой пальмы

⁸ В последнее время возобновилось активное движение за запрещение курения в храмах Японии — см. статью Yasumasa Kanasugi “*Yomiuri Shinbun*” (March 6th, 2009).

нередко были частью жертвоприношений, и монахи, по-видимому, не только подносили их Будде, но и часто жевали. В Камбодже они даже фигурировали в обрядах посвящения⁹.

Не менее удивительно то, что бетель, в отличие от табака или кофе, похоже, не вызывал возмущения в мусульманском мире до появления в XVIII в. ваххабитов, которые запретили его наряду со многими другими вещами [Comes 1900: 233–236]. Такая толерантность, пожалуй, была неудивительна для стран, где бетель являлся неотъемлемым элементом социальной жизни еще до прихода ислама, но более примечательно то, что он прижился, как сообщает ал-Мас‘удӣ, в Йемене и Хиджазе. Современные судебные постановления предписывают, когда можно жевать бетель, однако не имеют, по всей видимости, никаких возражений против этой практики. Некий Имам Хабиб, писавший в 2006 г., высказывается, среди прочего, о жевании бетеля во время Рамадана:

«10. Съев несколько листьев бетеля, человек тщательно вымыл и прополоскал рот. Однако слюна его не перестала быть красной. В этом нет ничего страшного. Пост по-прежнему засчитывается»¹⁰.

Также удивительно и спокойное отношение католической церкви к постам в пятницу, Великому посту и др. Иезуиты на Филиппинах пришли к решению, которое, должно быть, было распространенным: «Разве человек нарушает пост, выпив шоколад? Нет; ведь, по общему мнению богословов, шоколад (если он не смешан с кукурузной мукой или другой твердой пищей) — это жидкость, а жидкости не нарушают пост. То же касается и курения табака, ведь он не является ни едой, ни напитком; и хотя обычно или, по крайней мере, во многих случаях курение — это порок и визитная карточка бандитов... оно не нарушает поста. Что до бетеля, то, как представляется, жевание одной или двух порций (*buvo*) не нарушает поста в силу недостаточного его количества. Утверждают, что бетель бодрит; однако, когда все сказано и сделано, только небольшая часть бетеля проглатывается, остальное же — слюна и нечистота...» (цит. по: [Costa 1961: 356]).

⁹ См., например, северовьетнамскую свадебную песню [Thierry 1969: 276].

¹⁰ www.en.allexperts.com.

Вернемся к Ибн Баттуте: в ряде случаев он, как и Сюаньцзан несколькими веками ранее, получал бетель и орехи арековой пальмы вместе с другим продовольствием, а в Самудре на острове Джауа (так называли Суматру) с их помощью ему дали понять, что аудиенция окончена: «Затем принесли еду, главным образом рис, затем — что-то вроде пива, а затем — бетель, а это значит, что пора уходить».

Самая западная точка, в рассказе о которой Ибн Баттута упоминает бетель, — это Могадишо в современном Сомали, где о его приезде было доложено: «Он взял послание, а затем вернулся с блюдом, на котором было несколько листьев бетеля и орехов арековой пальмы. Он дал мне десять листьев и немного орехов, столько же он дал *қāдй*, а то, что осталось на блюде, отдал моим спутникам и ученикам *қāдй*. Он также принес кувшин с розовой водой из Дамаска и окропил меня и *қāдй*...» [Ibn Battuta 1994, IV: 878; II: 287].

Однако бетель проник еще дальше на запад. Многие европейцы, начиная с Марко Поло, писали о практике жевания бетеля, часто довольно подробно и обстоятельно, а некоторые даже пробовали его. Гарсиа де Орта уделяет бетелю немало внимания в одном из своих *Coloquios*, изданном в 1563 г. и ставшем, между прочим, первым светским трудом, напечатанным в Индии¹¹: «Авиценна искаженно называет его ФИЛФЕЛ. Так называют его в Дофаре и Шаэле [Шихр в Хадрамауте], арабских землях...» Далее он рассуждает о торговле, в том числе и в Хурмузе, и говорит, касаясь Аравии: «Там, где он растет, его не сложно выращивать...», а также отмечает, что шииты воздерживались от бетеля во время мухаррама. Он добавляет и традиционное замечание о том, что жующие «сплевывают нечто, напоминающее кровь».

В целом, жевание считалось непривлекательным (хотя в прошлом плевание было более приемлемым на западе, чем в наши дни), и вид пятен красной слюны заставил путешественника XVII в., натуралиста Якоба Бонтиуса предположить, что произошла драка. Реакция Никколо Мануччи, итальянца, побывавшего в Сурате в 1658 г., была

¹¹ *Garcia de Orta. Coloquios dos Simples e Drogas he Cousas da India...* (Goa: 1563) (цит. по: [Penzer 1951 (2002): 189]).

почти такой же: «В числе прочего я был очень удивлен, увидев, что почти каждый сплевывает что-то красное, словно кровь. Я подумал, что это, должно быть, из-за какой-то местной болезни, или же их зубы выбиты. Я спросил у одной английской леди, в чем тут дело и не принято ли у жителей этой страны удалять зубы...» [Маписси 1906: 62].

Ван Линсхотен, писавший приблизительно в то же время, сообщает: «Он не растет ни в таких холодных областях, как Китай, ни в слишком жарких — таких, как Мозамбик и Софала...» Далее он поясняет, что подробно описывает бетель «потому, что его так много употребляют». Затем он дает понять, что этот обычай, от которого сам он был не в восторге, был воспринят некоторыми европейскими резидентами: «Португальские женщины имеют схожий обычай жевания листьев этого бетеля, так что не могут прожить без него и дня... В дневное время, где бы они ни были, сидя, стоя или на ходу они постоянно жуют его, как бык или корова — свою жвачку; а все занятия [многих португальских] женщин — это весь день мыться, а затем жевать свой бетель. Некоторые португальцы, под влиянием распространенной привычки своих жен жевать бетель, также его употребляют...» [Linschoten 1874–1885].

Далее он проводит различие между бетелем, который продают на каждом углу ради удовлетворения этой довольно расхожей потребности, и тщательно приготовленными порциями, которые жуют и преподносят в торжественных случаях.

Экспорт орехов арековой пальмы не представлял сложности. Употребление свежего ореха было предпочтительно, однако и в высушенном виде он обычно был приемлем. Как уже отмечалось, существует множество описаний выращивания бетеля в крупных масштабах. В Камбодже, например, китайцы выращивали его для бартера, а в Мадрасе и Шри Ланке европейские власти и торговцы обсуждали фискальное значение торговли орехами арековой пальмы. Жоао де Кастро¹² упоминает реку в Индии, в двадцати шести лигах от Гоа, известную как Rio de Betele из-за того, что на ее

¹² Информация предоставлена Полом Лунде (см.: [Cortese, Albuquerque 1971, II: 39–42]).

берегах бетель произрастал в больших количествах, однако он не говорит ничего о его экспорте. Безусловно, торговать таким скоропортящимся товаром, как листья бетеля, было затруднительно. Ибн ал-Байтār в своем трактате о лекарствах, написанном около 1225 г., проливает свет на этот вопрос: «Сегодня бетель редко привозят к нам из Индии, потому что стоит его листьям высохнуть, как они превращаются в пыль из-за недостатка влаги. Тот, который попадает в Йемен и куда-либо еще, можно сохранить, если срезать его вместе с ветвью, а затем погрузить в мед. Ошибочно думать, что бетель — это тот лист, который можно найти у нас, имеющий форму и запах лаврового листа и известный в Басре среди торговцев специями как *камāри* [кумāри], по названию страны, из которой, как мне говорили, он происходит, — Элькамер [ал-Қумр]¹³. В наше время есть врачи, которые утверждают, что этот лист — лист растения *malabathrum*¹⁴, и используют его как таковой, но это ошибочно» (цит. по: [Penzer 1951 (2002): 211]).

И все же никто точно не объясняет, как именно листья бетеля подготавливали к экспорту в районы, где не могли их выращивать, ведь консервация в меду, помимо превращения этих листьев в очень дорогостоящий товар, была сопряжена на практике с рядом сложностей. Писавший в XX в. Мараини отмечает, что тибетцы любили бетель, а караваны везли его среди прочих товаров из Индии через Непал [Maraini 1952: 312].

Даже в районах, где возделывался бетель, его отчасти заменяли другими листьями. По словам Педро Тейшейры, ветви гвоздичных деревьев высушивали вместе с листьями и экспортировали в Венецию через Александрию, причем сам он в течение почти двадцати лет употреблял эти листья в Португалии «вместо folio Indio», который, впрочем, также не является бетелем, ведь высушенный бетель не имеет запаха (цит. по: [Penzer 1951 (2002): 218]).

¹³ В арабском языке существует давняя путаница между ал-Қумр — Мадагаскаром — и транскрипцией названия государства кхмеров. Последнее более вероятно в данном контексте.

¹⁴ Малабарское растение *Cinnatomum tamala*. Этим термином обозначают ряд родственных корице листьев, которые еще с античных времен ценились за их признанные лекарственные свойства.

Бетель не прижился в Европе, но сложно судить, из-за того ли, что жевание, плевание и изменение цвета зубов считались непривлекательными, или из-за сложности и дороговизны получения необходимых ингредиентов, или же из-за того, что кофе и табак появились примерно в то же время и лучше воспринимались в культурном отношении. Однако можно отметить один интересный момент: и табак, и кофе, и бетель у себя на родине занимали центральное место в важных церемониях и ритуалах, но, вырванные из своего культурного контекста, стали преимущественно светским явлением, как это произошло в Бутане, где бетель, по всей видимости, был относительно поздним заимствованием [Pommaret 2003]. Использование бетеля в ходе бракоразводных процедур в Ачехе — обратный случай, когда ислам пришел в регион, где ритуальное значение бетеля было прочно утверждено. Маловероятно, чтобы бетель стал частью подобных церемоний в Мекке или Хиджазе.

Важным аспектом употребления бетеля, тесно связанным с его социальной значимостью, является сопряженная с ним утварь. Путешественники часто упоминают о наборах принадлежностей для жевания бетеля, которые в каком-то смысле характеризовали своего владельца, указывая на его достаток, статус и вкус. Они варьировались от принадлежавшей королеве Ачина (Ачеха) и описанной Томасом Баури «огромной золотой шкатулки для бетеля, настолько большой, насколько ее размеры позволяли поднять ее одному из евнухов» [Bowtey 1905: 264], до изумительных и крайне самобытных резных изделий из Восточной Новой Гвинеи [Beran 1988]. Правящие дома обменивались роскошными наборами принадлежностей для жевания бетеля в качестве подарков или в знак скрепления соглашений или мирных договоров [The Story of Patani 1970].

В целом, справедливо отметить, что в каждой из стран основного региона потребления бетеля при изготовлении наборов принадлежностей для его жевания применялись утонченные ремесленные навыки и самые ценные материалы. В Бирме это был лак, в Индии — работа по металлу, в Таиланде — золото, во Вьетнаме — керамические сосуды для извести, на Шри Ланке — плетеные сумочки и шкатулки тонкой работы, а на Тробрианских островах

или у Ифугао — даже человеческая кость, так что мертвых часто вспоминали, ведь они принимали участие в церемонии жевания бетеля [Malinowski 1982: 133–134].

В районах, где бетель вошел в употребление в качестве приятной привычки, а не ритуала, эти изысканные наборы утвари, по всей видимости, не существовали в том же виде. Путешественники, побывавшие при дворе Великих Моголов, отмечают, что бетель преподносился красиво, как и все остальное, но специальные принадлежности для жевания бетеля не были там представлены в таком же изобилии, как в исконных для этого обычая землях. Даже щипцы для раскалывания орехов арековой пальмы, дававшие исключительный простор для художественного воплощения, вряд ли выполнялись в особом могольском или мусульманском стиле, если, конечно, не считать, что Сумати Морарджи права в том, что зубчатые образцы «в форме окна», характерные для Гуджарата, на самом деле изображали дверь мечети и предназначались непосредственно для мусульманских потребителей [Morarjee 1974: 22]. Наборов принадлежностей с сугубо арабским или персидским (придворный язык Индии) орнаментом или каллиграфией немного, хотя в коллекции Мухаммада Юнуса Нура есть один или два экземпляра из Индонезии или, возможно, Малайзии, с арабской надписью курсивом (*шикасти*). В одном случае этот орнамент идет по металлической кайме, украшающей деревянный сосуд [Thierry 1969: цветная иллюстрация №14 и подпись к ней].

Хотя многочисленные сосуды и коробочки разных видов находят на Аравийском полуострове, вряд ли можно говорить о каком-то особом местном стиле. Возможно, это подтверждает идею о том, что бетель оказался оторванным от своего изначального значения — как официального символа гостеприимства и доброй воли, а также завершения переговоров. Можно привести схожий пример: пакетированный чай, заваренный в кружке, не несет той социальной и ритуальной окраски, что японская чайная церемония или изящно поданный гостям «дневной чай» в Англии начала XX в.

Также вряд ли можно говорить о том (хотя есть достаточно свидетельств того, что некоторые европейцы любили бетель), чтобы

какие-либо наборы принадлежностей изготавливали специально для европейцев, тогда как многие другие ремесленные изделия отражают влияние европейских заказчиков. К примеру, чиновник Ост-Индской компании, изображенный на акварели из Муршидабада в минуты досуга с кальяном и бетелем, пользуется обычной и ничем не примечательной местной утварью¹⁵, и нет причин полагать, что лилиевидный крест на сумке для бетеля конца XIX в. со Шри Ланки¹⁶ был чем-то большим, чем копией распространенного европейского мотива, включенного в местный набор орнаментов, несомненно, через португальское влияние.

Несмотря на то что бетель проник в Восточную Африку по крайней мере восемьсот лет назад, сохранилось мало свидетельств о его ритуальном применении или особой связанной с ним утвари (не больше, чем в Вест-Индии, где он появился сравнительно недавно). Другими словами, эта приятная привычка, которая была перенесена на почву уже сложившейся культуры, не стала неотъемлемой ее частью, хотя тема бетеля на границах культурной зоны его распространения заслуживает дальнейшего исследования.

В районах, где бетель был привнесен в культуру, он не только не стал частью основных социальных ритуалов, но, как и следовало ожидать, не занял такого важного места в литературе и мифологии, какое отводится ему в многочисленных любовных поэмах и свадебных гимнах по всей Юго-Восточной Азии. Во Вьетнаме, например, рассказывают красивую историю о двух братьях, полюбивших одну девушку. Не в силах решить, кому она достанется, ведь братья также любили и друг друга, добрые божества превратили их в скалу, пальму и лозу, так что они навеки соединились в *пане* ([Penzer 1951 (2002): 257–258]. См. также: [Krenger 1945: 1517–1548]).

Очевидно, что бетель, как и другие стимулянты, распространяясь на запад и восток, оказался оторванным как от своих культурных корней, так и от своего социального значения. Следует все же отметить, что некоторые связанные с бетелем культурные элементы, по-видимому, были заимствованы вместе с ним. Йемен, например,

¹⁵ Victoria and Albert Museum, London IM 33-1912, by Dip Chand, 1760-3.

¹⁶ Victoria and Albert Museum, London IS. 437-1897.

в частности Хадрамаут, имеет тесные связи с Индонезией. Основное культурное движение там происходило из мусульманского мира на восток, но некоторые элементы распространялись и в обратном направлении: употребление бетеля, ношение саронга или *футу* с предпочтением орнаментов в стиле батик и огромное значение, придаваемое ношению короткого кинжала — *джамбийи* или *кри-са*, имеющего глубокий социальный смысл, помимо его непосредственного применения в качестве оружия. Таким образом, бетель примечателен относительным отсутствием возражений против его употребления в ряде обществ, а также тем, как он прижился в обществах за пределами своего изначального культурного ареала и в то же время воспринял новые культурные влияния.

Библиография

The Story of Patani 1970 — Anon. The Story of Patani (Hikayat Patani — 1690+) / Transl. by A. Teeuw, D. K. Wyatt. The Hague: Martinus Nijhoff, 1970.

Beran 1988 — *Beran Harry*. Betel-Chewing Equipment of East New Guinea. Aylesbury: Shire Ethnography, 1988.

Bowrey 1905 — *Bowrey Thomas*. A Geographical Account of Countries Round the Bay of Bengal, 1669 to 1679 / Ed. by Richard Carnac Temple. Cambridge: Hakluyt, 1905.

Bretschneider 1881 — *Bretschneider E.* Botanicon Sinicum // Journal of the North China Branch of the Royal Asiatic Society. New Series. 1881. Vol. XVI. Pt I.

Comes 1900 — *Comes Orazio*. Histoire Du Tabac. Naples, 1900.

Cortese, Albuquerque 1971 — *Cortese A., Albuquerque L. de*. Roteiro de Goa a Diu // Obras Completas de D. João de Castro. Coimbra: Academia Internacional da Cultura Portuguesa. 1971. Vol. II. P. 39–42.

Costa 1961 — *Costa H. de la*. The Jesuits in the Philippines (1581–1768). Cambridge, Mass.: Harvard U.P., 1961.

Covarrubias 1937 — *Covarrubias Michael*. Island of Bali. L., 1937.

De Groot 1892 — *De Groot Jan J.M.* The Religious System of China. Leiden: Brill, 1892. Vol. I.

Dey 1942 — *Dey J. C.* The East India Company's Trade in Areca Nuts (1600–1660) // Indian Culture. October 1942. IX. Nos. 2–3. P. 159–173.

Dīnawarī 1974 — *Dīnawarī Abu Hanīfa al-*. The Book of Plants [Kitāb Al-Nabāt] (Late 9th c.) / Ed. by Bernhard Lewin. Wiesbaden: In Kommission bei Franz Steiner Verlag GMBH, 1974.

Graham 1912 — *Graham A. W.* Siam, a Handbook of Practical, Political and Commercial Information. L., 1912.

Hugronje 1906 — *Hugronje Snouck*. The Achinese / Transl. by A.W.S. Sullivan. Leiden; L., 1906.

Ibn Battuta 1994 — *Ibn Battuta*. The travels Ibn Baṭṭūṭa, A.D. 1325–1354 / Transl. with revisions and notes from the Arabic text edited by C. Defrémery and B.R. Sanguinetti by H.A.R. Gibb; the translation completed with annotations by C.F. Beckingham. 1994.

Imbault-Huart 1894 — *Imbault-Huart Camille*. Le Bétel. T'oung Pao 5, 1894. P. 311–328.

Krenger 1945 — *Krenger W.* Le bétel // Revue CIBA. 1945. Vol. 44. P. 1517–1548.

Linschoten 1598 (1874–1885) — *Linschoten Jan Huyghen van*. The Voyage of John Huyghen Van Linschoten to the East Indies. L.: Hakluyt, 1598 (1874–1885).

Malinowski 1982 — *Malinowski B.* The Ethnography of Malinowski: The Trobriand Islands, 1915–1918 / Ed. by Michael Young. L.: Routledge and Kegan Paul, 1982.

Manucci 1906 — *Manucci Niccolao*. Storia Do Mogor (c. 1707) / Transl. by W. Irvine. L.: John Murray, 1906.

Maraini 1952 — *Maraini Fosco*. Tibet Secret. P., 1952.

Mas'udi 2007 — *Mas'udi*. From the Meadows of Gold / Transl. by Paul Lunde, Caroline Stone, Great Journeys. L.: Penguin, 2007.

Morarjee 1974 — *Morarjee Sumati*. Tambula. Bombay, 1974.

Orta 1563 — *Orta Garcia de*. Coloquios Dos Simples E Drogas He Cousas De India... Goa, 1563.

Penzer 1951 (2002) — *Penzer N. B.* Poison Damsels // The Romance of Betel Chewing. L., 1951 (2002).

Pommaret 2003 — *Pommaret Françoise*. The Tradition of Betel and Areca in Bhutan // Journal of Bhutan Studies. Summer 2003. Vol. 8. P. 12–28.

Rooney 1993 — *Rooney Dawn F.* Betel Chewing Traditions in South-East Asia. Kuala Lumpur: Oxford U.P., 1993.

Schafer 1963 — *Schafer E.* The Golden Peaches of Samarkand: a study of T'ang exotics. Berkeley: University of California Press, 1963.

Schafer 1967 — *Schafer E.* The Vermilion Bird. T'ang images of the South. Berkeley: University of California Press, 1967.

Thierry 1969 — *Thierry Solange*. Le Bétel. Inde et Asie du Sud-Est. P.: Le Musée de l'Homme, 1969. Vol. I.

Thompson, Barcinas 1947 — *Thompson Laura, Barcinas Jesus*. Guam and Its People. Princeton: Princeton U.P., 1947.

Yangwen 2005 — *Yangwen Zheng*. The Social Life of Opium in China. Cambridge: Cambridge U.P., 2005.

Приложение I

Список имен некоторых европейских путешественников, подробно описывающих употребление и выращивание бетеля

- Марко Поло (около 1298)
- Лодовико ди Вартема (1505)
- Томе Пиреш (1512–1515)
- Дуарте Барбоза (1513)
- Антонио Пигафетта (около 1521)
- Жан и Рауль Парментье (1529)
- Гарсиа де Орта (1563)
- Чезаре Федеричи (1563–1581)
- Ян Гюйген ван Линсхотен (1583–1589)
- Педро Тейшейра (1586–1615)
- Якоб Бонтиус (1592–1631)
- Альваро Менданья де Нейра (с. 1590)
- Франсуа Пирар (1602–1607)
- Антонио де Морга (1609)
- Бартоломе де Архенсола (1609)
- Томас Ро (1615–1617)
- Пьетро делла Валле (1623)
- Йон Олафссон (1623)
- Себастьян Манрик (1629–1643)
- Жан-Батист Тавернье (1643–1649)
- Ян Мацуйкер (1646–1650)
- Никколо Мануччи (1653)
- Томас Баури (1669–1679)

Джон Фрайер (1672–1681)
Аббат де Шуази (1685–1686)
Уильям Дэмпиер (1686)
Николя Жервез (1688)

Приложение 2

Некоторые мусульманские источники, описывающие выращивание и употребление бетеля

Абӯ Ҳанӣфа ад-Дйнаўярӣ (ум. 894/902) — см. ниже и текст.
Ал-Мас‘удӣ (896–956) — см. текст.

Ибн ал-Муджāўир (XIII в.)

Об *Areca catechu* L.

«Описание *ал-Мансўры**. Ее климат хорош и воздух приятен. Вода там из хорошей пресной реки. Там выращивают все виды фруктов: из индийских растений — бетельный орех [*фаўфал*; *фўфал*] и кокос; из растений побережья — сахарный тростник и бананы; из иракских — гранаты, виноград и множество финиковых пальм; из египетских — лимоны, цитроны и апельсины; из растений Синда — набк; из хиджаских — дум, а это *муқл*».

Ibn al-Mujāwir. *A Traveller in Thirteenth-Century Arabia. Ibn al-Mujāwir's Tārīkh al-Mustabsir* / Trans. & ed. G. Rex Smith. (Ashgate, for The Hakluyt Society. L., 2008). P. 262.

* Зафār (Дофар) был разрушен в 1221 г., а поблизости от него был построен город Мансўра, строительство которого завершилось в 1223 г. Подробнее см. с. 258 и примечания.

Ибн ал-Байтār (ум. 1248)

Ибн Джулджул (944–994)

«*Танбӯл*: лист большого дерева. Жители Индии активно употребляют его, они жуют его по утрам, чтобы сделать губы красными, освежить дыхание и порадовать сердце; он имеет умеренный характер».

I/141

Абӯ Ҳанӣфа [ад-Дйнаўярӣ] (ум. 894)

«Растение *фаўфал* — это пальма, подобная кокосовой, на ней растут кисти, в которых находятся плоды *фаўфала*, похожие на финики. Это растение не растет в арабских землях. Есть черная и красная его разновидности».

Исхāқ ибн ‘Амрāн (годы жизни неизвестны)

«*Фаўфал* — это *кӯтал*. Он приносит плоды размером с грецкий орех и такого же цвета. Он имеет немного вяжущий и острый вкус, а также слегка горчит; он имеет холодное естество и крепит, укрепляет конечности и уменьшает горячие твердые опухоли. Его действие такое же, как у сандала».

Ибн Ридўāн (988–1061)

«Если принять питье, в котором растворены капля или две его красной разновидности, то это обеспечит хорошее самочувствие».

Ал-Ғāфиқӣ (ум. около 1150)

«Он освежает дыхание, укрепляет сердце и предотвращает раздражение глаз. Он вызывает жжение во рту и укрепляет десны и зубы. Если его нельзя достать, то можно заменить его мерой красного сандала и половиной меры свежего кориандра».

IV/ 169–170

Ibn al-Baytār, *al-Jāmi‘ li-mufradāt al-adwīya wa l-aghdhīya*. Cairo, Bulaq, 1874.

Ал-Малик ал-Афдал (около 1331–1377)

«Бетельный орех (*фўфал*, предположительно арека) — одно из тридцати четырех плодоносных деревьев, перечисленных в труде расулидского правителя ал-Малика ал-Афдала *Буғйат ал-фалләхйн* (fols. 81r–129v). Он стоит семнадцатым в списке, который начинается с финиковой пальмы и заканчивается куркумой; он находится между кокосовой пальмой (16) и пальмой дум (18)».

Varisco D. Medieval Agriculture and Islamic Science. The Almanac of a Yemeni Sultan. Seattle; L.: University of Washington Press, 1994. P. 182.

Сйди ‘Али Ре’йс (1554)

«Да будет известно, что в Гуджарате растут индиго, имбирь, кокосы, индийский финик и дерево *Тару**, каждая гроздь которого ежедневно дает кувшин вина; есть также *Паун*, иначе говоря — *тамбул*, и множество деревьев *Тубау* (*Туджа*), с ветвей которых кисти свисают, словно корни; есть летучие мыши, размах крыльев которых больше ярда; есть также много деревьев *Зокум*, и несчетное количество попугаев и обезьян, так что Гуджарат можно назвать страной обезьян».

Von Hammer Joseph, Baron Purgstall. Extracts from the MOHIT (the Ocean), a Turkish work on Navigation in the Indian Seas // Journal of the Asiatic Society of Bengal. 1836. Vol. 5. P. 455–456.

*Фон Хаммер отождествляет *Tarı* (правильно — *tārū*) с винной пальмой; *Паун* (правильно — *nān*) — это бетель; *тамбул* — арека; *Тубау*, по его словам, — это *Бур* или баньян; *Зокум* он определяет как *Сидж* или *Euphorbia ligularis*, Roxburgh.

Примечание: Сйди ‘Али Ре’йс (также известный как Сейиди Али Капудан, Сиди Али Челеби или Кāтиб-и Рўмй) составил свой *Мухйит*, перевод различных работ Сулаймāна ал-Махрй, в первую очередь ‘*Умда*, в Гуджарате в 1554 г. Приведенный выше пассаж отсутствует в ‘*Умда* и, должно быть, был добавлен им самим.

Абӯ-л-Фадл ‘Аллāmī (1596–1605)

Министр Акбара писал о различных видах бетеля, которым отдавали предпочтение при могольском дворе, и их названиях. См. *‘Ain-i-Akbarī* tr. H. Blochmann. Calcutta, 1873. Vol. I. P. 72–73.

Пер. с англ. яз. А. А. Янковской